Андрей НОВИКОВ-ЛАНСКОЙ

Идея общественного служения в публицистике Иосифа Бродского

Об общественно-политических взглядах нобелевского лауреата по литературе Иосифа Бродского часто говорят в связи с советским диссидентским движением. Свою индивидуальную творческую свободу поэт противопоставлял несвободе, навязываемой государством, свою частность отстаивал как заведомо большую ценность, нежели любой коллективный человеческий опыт. Однако этот акцент на частном и индивидуальном отнюдь не означает полного отрицания Бродским общественной и даже государственной миссии художника. Здесь все не так однозначно. Ниже мы рассмотрим основные концепции взаимоотношения поэта и социума и попытаемся определить позицию Иосифа Бродского в этой типологии.

В русской традиции, где «поэт больше, чем поэт», эти взаимоотношения всегда складывались нелегко. Можно говорить о том, что существуют элитарная и антиэлитарная, демократическая, концепции искусства вообще и литературы в частности. Согласно элитарной концепции, понимание и возможность создания высокого искусства доступны лишь узкому кругу образованных творческих людей. Носители элитарного вкуса и знаний сами отличаются от людей толпы, они сознательно противопоставляют себя миру обывателей. Как пишет В.Е. Хализев: «Такому пониманию искусства отдали дань романтики, в частности, йенская школа в Германии. Участники последней порой возносили круг художников над всеми иными смертными как лишёнными вкуса филистерами» [Хализев, 1999. С. 141].

С этой точки зрения, творческая личность принадлежит к высшей человеческой касте. Не стоит обращать внимание на толпу, тем более – требовать от неё понимания и благодарности за свой творческий труд. Такое мнение разделяли Байрон и Шлегель, Вагнер и Лермонтов, Шопенгауэр и Ницше, можно вспомнить и хрестоматийное «Поэту» А.С. Пушкина. В XX в., в связи с развитием массовой культуры, элитарная концепция приобрела ещё более актуальное звучание. Высокое искусство подчёркнуто воспринимается как естественно предназначенное лишь для крайне малочисленной категории людей. Выразителем идеи невмешательства во вкусы масс выступил Х. Ортега-и-Гассет, писавший об «искусстве для художников, а не для масс», «искусстве касты, а не демоса».

Существует и противоположная концепция, согласно которой искусство универсально, касается всех и каждого, антиэлитарно, демократично по своей сути, более того – должно служить интересам всех слоёв общества, беря на себя те или иные социальные функции. И если есть непонимание высокого искусства, отсутствие интереса к нему со стороны простых людей, то это проблема искусства и общества, а не естественное положение вещей. На подобной идее настаивает русская реальная критика; такой точки зрения придерживались Руссо и Лев Толстой, Гоголь и Томас Манн.

В.Е. Хализев высказывает по поводу двух точек зрения следующую мысль: «Обе концепции (элитарная и антиэлитарная) односторонни в том, что они абсолютизируют диспропорцию между искусством во всём его объёме и тем, что может быть понято широкой публикой: мыслят эту диспропорцию универсальной и неустранимой» [Хализев, 1999. С. 142]. Воззрения Иосифа Бродского представляют собой удивительный синтез двух вышеизложенных концепций. На первый взгляд, позиция Бродского нарочито элитарна. Принципиальная выделен-

Андрей Новиков-Ланской, кандидат филологических наук, заместитель директора Центра управления информационно-коммуникационными и массмедийными процессами МИГСУ РАНХиГС (119571, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: aa.novikov-lanskoy@migsu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются взгляды нобелевского лауреата Иосифа Бродского на отношения, возникающие между художником и обществом, на то, каким образом творческая личность может осуществлять общественное служение. Позиция Иосифа Бродского представлена в контексте основных существующих моделей взаимодействия художника и социума – элитарной и демократической.

Ключевые слова: творческая личность, общественное служение, элитарное и демократическое самосознание автора.

ность, эксцентричность, отчуждённость, высокомерие Бродского, как человека и поэта, подчёркивается как его биографами, так и исследователями его творчества. Поэт, по Бродскому, действительно, существо высшего порядка. Вот одно из его характерных высказываний: «Люди, которые занимаются поэзией, – наиболее совершенные в биологическом отношении образцы человеческого рода» [Бродский, 2011. С.143].

Е.Келебай, размышляя о природе подобной элитарной позиции, объясняет её общим пафосом тотального освобождения: «“Эгоцентризм” Бродского – это не глумление над чернью, а умение её не замечать и старание от неё не зависеть...» [Келебай, 2000. С.14]. Поэт должен быть свободен от мнения окружающих, и Бродскому неприятно, когда автор потакает вкусам и интересам массовой аудитории. Это касается и стиля. Попытка многих современных, как русских, так и иноязычных писателей сделать сложное содержание литературы понятным через обращение к предельно упрощённому разговорному, часто ненормативному, языку вызывает его осуждение.

Об этом Бродский говорит в нобелевской лекции: «На сегодняшний день чрезвычайно распространено утверждение, будто писатель, поэт в особенности, должен пользоваться в своих произведениях языком улицы, языком толпы. При всей своей кажущейся демократичности и осязаемых практических выгодах для писателя, утверждение это вздорно и представляет собой попытку подчинить искусство, в данном случае литературу, истории. Только если мы решили, что «сапиенсу» пора остановиться в своем развитии, литературе следует говорить на языке народа» [Бродский, 1992. С. 9].

Казалось бы, перед нами типичный сторонник элитарной концепции. Однако в той же нобелевской лекции Бродский предстаёт и как поэт-демократ, его взгляд предельно антиэлитарен. Он пишет: «Во всяком случае, положение, при котором искусство вообще и литература в частности является достоянием (прерогативой) меньшинства, представляется мне нездоровым и угрожающим» [Бродский, 1992. С.11].

И это, разумеется, не оговорка. Бродский, при всей своей элитарности, эгоцентричности и отчуждённости, как поэт, безусловно, испытывает чувство долга по отношению к обществу, ощущает необходимость общественного служения. Однажды в интервью он признаётся: «На самом деле, у поэта никакой роли нет, кроме одной: писать хорошо. В этом и заключается его долг по отношению к обществу, если вообще говорить о каком-то бы ни было долге всерьёз» [Бродский, 2011. С. 616].

Идея Бродского состоит в том, что, несмотря на элитарность поэта, он служит людям и несет ответственность за народ. Поэт должен «отрабатывать» доверенный ему поэтический дар, обострённое чувство языка, делая окружающий мир лучше. Технически этот процесс преобразования к лучшему выглядит как приобщение возможно большего числа людей к серьёзному чтению высокой литературы, особенно поэзии.

Подлинная литература неизбежно нравственна, и, по мнению Бродского, государственное управление обществом в идеале должно в свою основу класть классические литературные тексты. Поэтому Бродский с сожалением воспринимает реальность, в которой критерий выбора властителя – отнюдь не его читательский опыт.

Бродский не сомневается, что в качестве «системы нравственного страхования» литература была бы более продуктивна и актуальна, нежели какая-либо социальная и этическая философия или религиозные догматы. Его убеждённость в том, что типологической особенностью подлинной литературы является преодоление клише, стремление к разнообразию и расширению (пользуясь терминологией Бродского – её «центробежная сила»), является решающим аргументом в пользу необходимости свободного и повсеместного функционирования литературы в свободном обществе, гарантией сохранения свободы отдельного человека в социуме. «Хотя бы уже по одному тому, что насущным хлебом литературы является именно человеческое разнообразие и безобразие, она, литература, оказывается надёжным противоядием от каких бы то ни было – известных и будущих – попыток тотального, массового подхода к решению проблем человеческого существования» [Бродский, 1992. С.12].

И Бродский приводит печальный пример: на его взгляд, общественные катаклизмы в России связаны именно с недостаточно широким распространением в России современной обществу литературы. Он говорит о том, что это трагедия «общества, литература в котором оказалась прерогативой меньшинства: знаменитой русской интеллигенции» [Бродский, 1992. С.12]. И хотя поэт признаётся, что «далек от идеи поголовного обучения стихосложению и композиции», чем больше людей вступят в творческий контакт с активизированной поэтическим словом силой языка, тем лучше для того общества, в котором живут эти люди.

При этом Бродский настаивает, что необходимую любовь к серьёзному чтению нельзя путать с грамотностью. Тотальное обучение грамотности в Советском Союзе только ухудшило нравственное состояние всего общества и каждого отдельного его члена. Одной лишь грамотности недостаточно: «Ленин был грамотен, Сталин был грамотен, Гитлер тоже; Мао Цзедун, так тот даже стихи писал; список их жертв, тем не менее, далеко превышает список ими прочитанного» [Бродский, 1992. С.12].

Свою общественную теорию Бродский пытается воплотить на практике. Став лауреатом Нобелевс-

кой премии и поэтом-лауреатом США, он инициирует несколько крупномасштабных акций, нацеленных на внедрение поэтического слова в массы. Он добивается расклейки в вагонах метро плакатов с цитатами из англоязычной поэзии, продажи дешёвых поэтических брошюр в супермаркетах, бесплатного распространения поэтических антологий по гостиницам и мотелям – там, где эти книги, по его идее, должны лежать во всех номерах на ночном столике рядом с привычной для американца гостиничным экземпляром Библии.

Однако, рассматривая высказанную Бродским позицию о повсеместном приобщении к поэзии, нельзя не отметить неизбежных проблем, которые встают перед ним. Втягивание в поэзию, если и возможно, то должно быть постепенным и крайне ненавязчивым. Это действительно сложная материя для неподготовленного сознания. Пытаясь же научить народ разговаривать на языке метафизической поэзии, Бродский неизбежно отдаляется от широких масс и не может в полной мере осуществить свою миссию. Е.Келебай подчёркивает эту внутреннюю противоречивость позиции поэта: «Известное Бродскому правило: не поэт должен опускаться до народа, а народ подниматься до поэта, до его языка (особенно, если просвещать и назидать) – делало Бродского собеседником для избранных (таких, как Набокова-писателя)» [Келебай, 2000, с.17].

Литература

Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Том I. СПб.: Пушкинский фонд, 1992.

Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Том V. СПб.: Пушкинский фонд, 1999.

Бродский И. Книга интервью. М.: «Захаров», 2011.

Келебай Е. Поэт в доме ребенка. Пролегомены к философии творчества Иосифа Бродского. М., 2000.

Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999.

THE IDEA OF CIVIL SERVICE IN JOSEPH BRODSKY'S PUBLICISM

Andrey Novikov-Lanskoy, candidate of philosophical sciences, deputy director, Centre for managing communication and mass media processes IIPAM RANEPA (Vernadsky Prospekt, 82, Moscow, Russian Federation, 119571) aa.novikov-lanskoy@migsu.ru

Summary: The article considers the views of the Nobel prize winner Joseph Brodsky on the relations between an artist and the idea of civil service and society. His standpoint is represented in the context of major models of such relations, elitist and democratic attitudes.
Keywords: artists, poetry, society, civil service, elitist attitude, democratic attitude.

References

Brodskii I. Sochineniia Iosifa Brodskogo. Tom I. [I. Brodsky. Writings of Iosiph Brodsky Volume I]. Tom I. St-Peterburg.: Pushkinskii fond, 1992.

Brodskii I. Sochineniia Iosifa Brodskogo. Tom V [Brodsky. Writings of Iosiph Brodsky Volume V]. St-Peterburg: Pushkinskii fond, 1999.

Brodskii I. Kniga interv'iu. [I. Brodsky. Book Interview] M.: «Zakharov», 2011

Kelebai E. Poet v dome rebenka. Prolegomeny k filosofii tvorchestva Iosifa Brodskogo [E. Kelebay. Poet in the home of the child. Introduction to the philospphy of Iosiph Brodsky]. Moscow, 2000.

Khalizev V.E. Teoriia literatury [V. E. Khalizev. Litrrature theory]. Moscow: Vysshaia shkola, 1999.

Иосиф Бродский. Что читать

Бродский И. Власть стихий. М.: Азбука, 2012. - 224 с.

В настоящем сборнике наряду с нобелевской лекцией Иосифа Бродского представлены его эссе, посвященные прошлому и настоящему русской литературы, такие, как «Муза плача», «Поэт и проза», «Катастрофы в воздухе», «Власть стихий», и другие. Перед читателем предстанет череда великих поэтов и прозаиков: Батюшков, Мандельштам, Ахматова, Цветаева, Достоевский и Платонов, прочитанных вдумчивым и проникновенным читателем – Иосифом Бродским. «Если искусство чему-то и учит (и художника в первую голову), — считает Бродский, — то именно частности человеческого существования. Будучи наиболее древней — и наиболее буквальной — формой частного предпринимательства, оно вольно или невольно поощряет в человеке именно его ощущение индивидуальности, уникальности, отдельности — превращая его из общественного животного в личность». Этой цели способствует и чтение эссе самого Иосифа Бродского.

Бродский И. Баллада о маленьком буксире. Стихотворение. М.: Азбука 2013. 40 с.

Одно из детских стихотворений Иосифа Бродского, ставшее благодаря публикации в 1962 году в журнале «Костер» первым его стихотворением, увидевшим свет в СССР.

Бродский И. Избранное.- М.: Колибри, 2012. - 846 с.

Настоящее издание подготовлено при участии Фонда по управлению наследственным имуществом Иосифа Бродского и издательства «Азбука-Классика». В книгу вошли стихи поэтических циклов «Остановка в пустыне», «Конец прекрасной эпохи», «Часть речи», «Новые стансы к Августе», «Урания» и «Пейзаж с наводнением», с 1970 по 1996 год выходивших в американском издательстве «Ардис», пьеса «Мрамор» и несколько эссе, среди которых – нобелевская лекция Бродского «Лица необщим выраженьем».